Николай Тертышный

«Ей! Гряду скоро!»

18+

Николай Тертышный
«Ей! Гряду скоро!»

https://litres.ru/74702567
SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть «Ей! Гряду скоро! ». В ней автор говорит о подвиге Христа без мистики — то есть с акцентом на сознательном выборе и исторической обусловленности Его миссии, а не на сверхъестественных аспектах. Это опыт пересказа о конкретном историческом событии: жизни, служении, смерти и воскресении Христа. А также об учении, которое Он проповедовал, и о том, как это учение развивали апостолы.

Содержание

В начале 5
Пролог 8
Глава 1 16
Глава 2 28
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Николай Тертышный
«Ей! Гряду скоро!»

В начале

Религиозная организация
«Свидетели Иеговы» признана экстремистской и запрещена на территории России
(решением Верховного суда Российской Федерации от 20.04.2017).
см.https://skrinshoter.ru/seIDq2OqFUU https://skrinshoter.ru/seIaQFj5rqG

...Новый завет, святое благовествование – что это? Божье Слово? мифы? история христианского учения? литературный жанр…? В этот ряд вопросов повесть «…Ей! Гряду скоро…!», вероятно, добавит ещё несколько проблем, но в ней я без какой-либо мистики пытаюсь говорить о сознательном и предопределённом обстоятельствами подвиге Христа. Греховность потребительского мира, социальный распад, тупик общественного движения, гибель цивилизации – это проблемы современности? Да, но ответы на них даны ещё две тысячи лет назад…К началу н.э. перед религиозной мыслью стояла задача найти прародителя человечества подобного Адаму, но без греха. Не нового бога, но божьего сына, как Адам. В самом низу палестинской формации сторонники перемен в вере такого прародителя нашли в лице Христа. На высшем пике религиозного сознания в экстатическом состоянии с целью самопожертвования ради великой идеи единения и про-

светления народа со стороны самого Христа проявляется явно движение навстречу этому поиску. Идея, вынашиваемая веками, стечение обстоятельств, силы сложившиеся в обществе возносят Его к реализации такого самопожертвования. Он не мог не осознавать важности и необходимости своего восхождения на алтарь веры в единого, справедливого и всемогущего Бога-Отца. Либо само фанатичное сознание допускает такую способность бессознательного действа в русле всеобщей цели. Идея жертвенности ради всех людей становится #смыслом жизни, смыслом служения великим целям Бога-Отца. Прежний опыт жертвоприношений Отцу это лишь временный откуп, а по сути превознесение, гордыня человека в своей деятельности *(…я выше Отца, если придумал, как кровью агнца умилостивить Его)*. Идея же самопожертвования есть непрерывный долг перед Отцом, пожизненная служба Ему ради спасения на все времена. Это обязательное следование примеру Отца, отдавшего Сына своего в #жертву ради спасения человечества, в конце концов, показывает возможность становления и Сына… Богом.

«…prius vivere deinde philosophari…» (Н. Макиавели «История Флоренции»)

…Юношей, будучи ещё исполнен сил и духа поэзии, писал я вдохновенно, что жизни учился прежде, чем что-либо писать о ней; и совершенно не мог даже догадываться, как это было близко от макиавеллевского «прежде живу, потом философствую»…. Как, оказывается, часто людские мысли

повторяют друг друга, даже если сотни лет лягут меж ними.

Иная дума мучительно засядет в сознании, тщетно отыскивая ответ в извилинах; и ответик-то совсем такой простой, что, казалось бы, вот-вот сорвётся с языка, ан нет, приходит ответик этот лишь с незначительной подсказки какого-нибудь древнего, забытого-перезабытого мудреца со звучным очаровывающим слух именем Гераклит, Протагор, Анаксимандр, Филон Александрийский или пуще того неизбывно славным – Христос! И удивляешься наиву и простоте их мудрости, но глубине и логичности открытых ими истин. И чувствуешь, как твоё сознание, касаясь этих имён, наполняется совершенною силой их разрешённых сомнений, их дерзновенных изначал. И неразрывная нить познания, что незримо связывает в триединство прошлое, настоящее и будущее, натянутой звенящей стрункой пронижет твоё жаркое сердце и уже никогда не даст ожиреть ему либо высохнуть потаённою болезнью невежества. Истина прошлого обязательно откроет глаза на задачи нынешних дней, а бессмертный желанный луч будущего обязательно принесёт неукротимое желание жить и непременное наслаждение мыслить…

Пролог

…В ожидании проповедника паломники собрались у его шалаша на берегу реки на обычном месте и расположились, кто присев прямо на землю, кто, стоя, тихо переговариваясь и поглядывая на поднявшееся в мглистой пелене красноватое солнце. Несколько выделялась особицей странники, видом изрядно изнурённые дорогой, в серых ветхих одеждах, смиренные и молчаливые. Чуть в стороне объявилась группа женщин в богатых платьях в сопровождении слуг. Вот по толпе волной прокатился шумок и тотчас на берегу появился Иоанн, большой, резкий, возвещающий о себе властным голосом и твердой походкой. Он был худ, строен, но мускулист и непременно выделялся в толпе поклонников своим торсом, чуть прикрытым с одного плеча длинношерстной овчиной. Призывая в проповедях к скромности и умеренности, сам он жил совершенно ничтожным пропитанием, полагаясь лишь на воспитанную долгими бдениями выдержку и природой подаренное здоровье. Горящий лучистый взор его пронзительных глаз заставлял юношей и женщин трепетать перед признанием в нём неведомой силы и не по возрасту явной умудрённости. Всегда оглядывая собравшихся, он словно высвечивал этим взором потёмки души, заставляя простодушных ещё прямее и зачарованнее всматриваться в него, а грешников ещё пуще прятать глаза и ниже скло-

няться пред ним.

Пройдя вдоль берега в самую гущу собравшихся, он шагнул в воду, зачерпнул большими загорелыми руками изрядно воды и, швырнув её брызгами вверх, мокрыми ладонями энергично пригладил волосы, начиная с головы и заканчивая запущенной бородой. Затем, повернувшись к ожидавшим его людям, заговорил громко и убедительно о близкой #каре Божьей, о надвигающейся расплате, о гибели человечества.

- Вы, погрязшие в чревоугодии и страстях, утратившие великое предназначение своё, уподобившиеся прожорливым свиньям, что сделали вы для спасения своего, какими благими делами проторили путь свой к Богу нашему всемилостивейшему и всепредержащему? Чему кроме сладострастия научились вы в жизни под предводительством своих погрязших в грехах царей …? Я призываю вас, грешники, оставить на берегу всё своё прошлое и войти в реку с мыслью очистить тела свои, души и помыслы от скверны грехов и мерзости неправедных поступков. Я омою вас этой живой влагою и научу воздержанности и скромности, научу довольствоваться малым и быть счастливыми. Оставьте тщетные помыслы о стяжательстве одежд и злата, ищите сокровища в сердцах своих, в единении, в дружбе. Я призываю вас к братству, к спасению…! Я жду вас…

Он широко распростёр руки, обращаясь к толпе, и сделал шаг навстречу. Безмолвная до того масса колыхнулась,

чуть зашумела и с плеском пошла в воду. Иоанн, окропляя первых приблизившихся, продолжал:

- Забудьте свои устремления к стяжанию. Вспомните, где злато и сокровища ваших предков и царей? Была ли кому польза в них? Принесло ли то покой и счастье в сердца? Всё прахом ушло в песок времени. Рознь и зависть друг к другу ныне гложет вас. То ли ещё будет, если не очистите души, не отвернётесь от пагубы накопительства и чревоугодия непомерного. Станьте братьями друг другу пред лицом грядущих испытаний…

В это время группа богатых женщин тоже придвинулась ближе, намереваясь войти в воду. По толпе прокатился говорок:

- Это же она… Иродиада, жена брата правителя…! Тоже грехи надумала смыть…

Неожиданно Иоанн сделал несколько шагов им навстречу и угрожающе воздев руки над головой, возопил:

- А ты, сатано, дьяволица в образе девы, изыди прочь! Не вноси грязи своей в дело наше, в омытые души наши! Твой грех не отмыть ни живою водой нашей реки, ни кровью сотен жертвоприношений! Гореть тебе смертным огнём за дела твои, за прелюбодеяния! Прочь с дороги нашей, семя дьяволово…!

Женщины, остановленные проклятиями проповедника, на миг застыли пристыженные, обратив взоры свои к дородной красавице, возглавлявшей группу. Та, зыркнув гордо

поверх голов на Иоанна, бросила сквозь зубы зло с угрозой:

- Ты плохо кончишь, невежа…, – и, развернувшись, быстро увела своё окружение к дороге, где их поджидала пара повозок, запряжённых лошадьми.

В этот момент с другой стороны к воде подошёл стройный молодой человек. Люди тотчас перевели своё внимание на него. Что-то было особенное в его фигуре, в изрядно поношенной, но опрятной дорожной одежде, в волнистой мягкой бороде, обрамляющей чистое открытое лицо, в приветливом взгляде, в движении рук, в изящном повороте головы. Сей приветливый муж чуть помедлил у края тихой волны, затем осторожно коснувшись босой ногой воды, словно заскользил над поверхностью, легко и бесшумно шагая к Иоанну. Толпа ахнула и безмолвно застыла. Подойдя к проповеднику, молодой человек плавно опустился с ним наравне в воду и низко поклонился:

- Прими, #Учитель, сына Божьего под сень свою, не откажи…

Иоанн, ничуть не смутившись, мгновение молчал, с достоинством принимая новоявленного поклонника своего, затем, воздев руку к небу, другой коснулся плеча его.

- Наконец-то! Свершилось, братие! Вот долгожданный миг пришествия того, кого предрекали наши пророки, кого прорицали с трепетом, ожидая чуда его, силы его и праведности! Мне ли Тебя принимать под ветхий кров свой? Мне ли кропить водой из святой реки нашей голову светлую Твою?

В пору нам всем просить милости у Тебя, силы Твоей, защиты Твоей, Спаситель…

С этими словами Иоанн низко склонился, припадая лицом к рукам Его. Очарованная толпа безмолвно, как по команде, опустилась в воду на колени. Небо в этот миг раскрылось шире и выше, словно пропуская ближе к земле солнце, к тому времени налившееся густым жарким шаром.

…В опочивальне было сумеречно и прохладно, хотя сквозь ткань алькова веяло теплом от светильников, расставленных вдоль стен. Лишь ложе из атласа хранило тепло тел, разгорячённых любовной истомой.

- Тебя вновь видели со свитой далеко от города на реке среди бездельников, горланящих о какой-то обновлённой вере? – спросил будто бы между прочим Антипа, переведя дух, и давая понять, что у него доброе настроение.

Иродиада, чуть отстранившись, поправляла волосы, непослушной волной выскальзывающие из рук.

- Твоим соглядатаям больше нет дела, как следить за неверностью жён и мужей...

- Ты должна понимать, что дело здесь совсем не в изменах в браке и вообще не в постели…, - Ирод многозначительно давал понять, что вполне осведомлён о намерениях своей любовницы. - Эта нищенствующая братия берётся от имени Бога прощать грехи. Не это ли и тебя манит уж который раз участвовать в их мистериях? Я не дурак и вижу, тебе в тягость наша затянувшаяся связь. Оставь всё на

волю случая. Что тебе ещё надо? Или ты всё не прощаешь мне первого раза…? Но я всегда беру силой, и признайся, теперь нам хорошо вместе…

Последнее послышалось скорее вопросом, и она, скрывая усмешку, ответила серьёзно:

- Там… у реки людям действительно хорошо, они ищут спасения, и, кажется, уже нашли его. Их женщины просто любят и рожают любимых детей, они трудятся, как того требует жизнь, а желание славы и богатств они просто оставили для таких как мы…

Он внимательно посмотрел на неё, пытаясь заглянуть в глаза.

- Ха, да ты влюблена в этого голозадого пророка! Признайся…?

- По всем меркам, нужно признать, видом, как мужчина, ты проигрываешь ему, - она кивнула на его покатые плечи без мышц, словно у женщины под слоем жирка.

Он обиделся, но виду не подал.

- Пора этого праведника попробовать на прочность железом. Посмотрим, как согнёт его мой палач в подвале. Куда денется его спесь под кнутом…

Иродиада задумчиво поглядела в ответ и проговорила, словно себе самой:

- Вот то же самое и я ему сказала…

…Пришли за Иоанном ночью, небольшим отрядом легионеров нагрянув к реке, переполошив паломников, отважива-

ющихся ночевать неподалёку от шалаша праведника. Услышав шум, Иоанн сам выбрался из своего жилища и, успокаивая подвижников, с достоинством позволил солдатам увести себя…

Три дня спустя, избитый в кровь, с цепью на ногах, он стоял пред Иродом.

- Бродяга, мне надоело выслушивать доносы о том, как ты поносишь моё имя своим праздным и зловредным языком. На моих плечах забота о народе…! На твоих же вонючая козья шкура…, но ты посмел равняться со мной и осуждать мои дела, о коих не имеешь и малейшего понятия…! Что можешь ты, прозябая в ничегонеделании, воздевая беспомощно руки в небо, сотрясая нечёсаной бородой…?

- Я учу добродетели и послушанию тот народ, о котором якобы твои великие заботы…, и на мне нет крови младенцев и слёз обездоленных вдов…, – отвечал глухо пленник, с трудом разлепляя разбитые губы.

- Но у тебя нет и построенных #храмов и городов! Что могут твои руки попрошайки? Лишь твой язык…! О, этот ядовитый кусок мяса у тебя во рту! Вот за него ты и поплатишься головой. Тебя можно было терпеть, если бы ты, воспевая безделье, довольствовался славою аскета, но ты взялся осуждать не тобой предопределённую жизнь…

- Ты говоришь о твоих городах…, но счастлив ли народ в их каменных склепах? Сыт ли? Не болеют ли обездоленные дети, не мрут ли раньше срока старики…? Правом ве-

ликих отцов я осуждаю тебя за глумления над моим народом, над его традициями и законом его. Правом рода своего я посылаю проклятия на твою безродную голову! И никакие каменные храмы не перевесят #грехов твоих. Время разрушит их в пыль, если величие веры истиной не посетит их. Твой город обезлюдит от разврата и пороков, как только последний праведник отвернётся от него…

- Ты много возомнил о себе…, довольно! Я обещаю, тебе отсекут голову…! Уведите его! – Антипа задыхался от ярости.

Иоанн уходил, придерживая руками громыхающую цепь, гордо приподнимая голову. Посечённая кнутом спина его была покрыта коркой запечённой крови…

« И этого оборванца народ почитает за пророка…! Во что они верят? Чего им не хватает, бездельникам…? Ничего, отсеку голову, присмиреют…» – Ирод медленно отходил от бешенства…

Глава 1

…К вечеру на закате после захода солнца покрепчал ветер. Лодку медленно понесло в сторону неудобного обрывистого берега, и братья заторопились, быстро выбирая пустую сеть из воды. Высокорослый мосластый Симон, ловко управляясь с нижней подборой нехитрого невода, поглядывал в насупленное небо:

- Нет сегодня удачи у нас с тобой, братуха. С самого утра не заладилось, должно после того, как с домочадцами повздорили. И что это за улов…?

Он босой ногой небрежно тронул под лавкой ещё чуть живую тиляпию.

- Да, ужин явно не рыбный нынче будет, – в тон ему усмехнулся младший брат Андрей. Полы его потрёпанной накидки были снизу мокрыми, и он попробовал заткнуть их за пояс-бечеву, но рваная ветхая ткань тут же вновь сползла вниз, и он оставил одёжку в покое, продолжая выбирать верхнюю верёвку сети с немудрёными деревянными поплавками.

Управившись с неводом, братья развернули лодку к берегу. Править сел младший, поплевав в мозолистые ладони и уверенно опустив в воду вёсла. Чуть скрипнули деревянные уключины, лодка, набирая ход, пошла домой. Симон присел на корме, упираясь ногами в мокрую сеть. Ветер трепал его клокастую небольшую бороду и пузырём вздувал на плечах

хитон.

…К берегу пристали затемно. Вытащили подальше на песок лодку, привалив её шершавым боком к ещё мокрой лодке старика Заведея, вернувшегося верно с рыбалки чуть раньше.

- Тоже, как видно, не разжились рыбою, – кивнул на утлую ладью соседа Андрей, снимая вёсла с уключин.

- Как знать, – с потаённой надеждой в голосе проговорил Симон, переваливая сеть из лодки на длинный шест.

- А чего там знать – рыбой и не пахнет, это первое, а второе – с уловом всегда задержка, а Заведеи нынче раньше нас управились…

- Ладно, мудрец, хватайся-ка за шест, – старший брат взвалил на плечо поклажу.

Ступая грузно в песок, братья направились к жилью, мерцающему впереди редкими огнями. Чуть погодя ночь скрыла их, заглушая шаги ветром и шумом прибоя.

#Жилище братьев приютилось на самом краю селения окнами к морю. Двор большой и просторный, по краю шумят густой листвой на ветру несколько деревьев. Сумрачные очертания гор чуть видны на фоне отгоревшего ветреным закатом неба. Во дворе у открытой двери в хижину толпился народ. У Иониных собирались в последнее время часто. До полутора десятка людей рассаживались тесным кругом прямо на полу вокруг зажжённой свечи. Приходили и могли разговаривать даже тогда, когда братья были на озере. Кто-

то приносил лепёшки, у кого-то в руках был глиняный горшок с рыбной похлёбкой, тут же из рукава у кого-то появлялась изрядная луковица, иногда кто-то от щедрот приносил кувшин кислого вина, всё это выставлялось на середину и съедалось всеми медленно по крохам без суеты и обид. Старались не шуметь, потому как знали, что в коморке за занавеской уже с неделю лежит в горячке тёща Симона. Говорили о жизни, о рыбалке, о прохудившихся сетях, о болезнях, о засилье имперских налогов, о роскоши местных богачей, предававшихся в последнее время празднествам с поистине языческим размахом. Вот и сегодня заговорили о заповедях Моисея, почему-то совсем не препятствующих барству и излишествам богатых, но не оставляющих надежд бедноте.

- Если соблюдать все правила по вере, то после всех #жертвоприношений в хозяйстве не остаётся и горсти муки на лепёшку, – ворчал, поправляя пламя свечи, тёзка старшего Ионина Симон, прозванный Зелотом за рвение и послушание в почитании Савоафа.

С появлением хозяев в хижине гости чуть оживились, освобождая братьям место ближе к свету. Жена Симона засуетилась было с ужином, но кто-то из гостей опередил её, предлагая братьям вина и лепёшки. Женатый Симон слыл неплохим семьянином и его почитали за грамотность, за рассудительность и ещё может быть за хитринку в поступках.

- Грешно как-то ужинать без подношения Иегове…, – оправдывался Симон, намекая на неудачную рыбалку.

- Вот и ты о том же! Есть у нас тут уже один ревнитель…, – язвит смешком кто-то из сумерек хижины. – Не велик грех оставить Яхве натощак спать. А может быть он и не просыпается вовсе, тогда стоит подумать о новом боге…

Симон что-то собирается сказать, но брат дёргает его за рукав и первым принимается за лепёшку, приправляя её луковицей.

- Люди говорят, в Вифаре взяли под стражу Иоанна…? – чей-то вопрос из темноты прозвучал так, чтобы завязался разговор.

- Это того бродягу в верблюжьей шкуре, что зовёт всех к #омовению от грехов водой Иордана…? – ворчливо сквозь бороду вставил в начавшийся разговор свой ехидный вопрос старик Заведей, навещавший иногда такие коллегии молодых. – Тоже мне пророк. Вещун нищих да праздных. Велико ли дело валяться днями напролёт у воды, питаться сушёной саранчой да поджидать грядущего мессию…?

- Ты не прав, дед…, – одёргивает его Андрей. – К нему в последнее время пристаёт немало народу. Его проповеди смелы и дерзко направлены против Ирода, путающегося с женой своего брата. Так обличать царя себе и первосвященники не позволяют, а Иоанн, несмотря на острастку Каиафы, решил сам открывать всем идущим к нему слово правды…

- Знаю я, где его правда: чем больше придут, тем больше принесут, – не унимался Заведей. – Это ты, побывав у бродяги, наслушавшись его россказней, заступаешься за него.

Только бывал у него ранее и я. Он, видите ли, только предтеча, предвестник того большого и настоящего, кто вот-вот объявится на берегу и научит жизни праведной и достойной…

Старик напустил в лицо деланной серьёзности и передразнил упоминаемого вифарского пророка:

- …Будьте воздержаны, в похотях не уподобляйтесь начальству, погрязшему в грехе. Я кроплю вас только водой, а идущий за мной будет осенять вас строже и выше – небом…

- Ты отстаёшь от времени, отец, – подал голос Иаков Заведеев. – Люди передают, что Иоанна извели в застенках царских, смерть мученическую он принял, а Тот, который шёл за Предтечей принял омовение у него, и ныне через учеников тоже проповедует, и народу у него больше. Андрей, скажи, я правду говорю? Ты один из наших первым встречался с ним…

- Хочу сказать вам, братие, это правда. Мало того, сегодня он должен был поспеть к нашему собранию. Вчера его уже видели в Вифсаиде. Один славный иудей из сикариев ходит с ним, и они знакомятся с братией наших коллегий. Вы увидите, что молва о молодом праведнике подлинно соответствует истине. А Иоанн действительно мученически обезглавлен Иродом. Не зря старики говаривают: язык твой – враг твой. Предтеча на самого царя хулу возвёл. За то и сгинул в темнице, от царей другого не дождёшься…

За стенами хижины раздались приглушённые голоса и

вскоре, толпящиеся на входе расступились и пропустили к заметно сгоревшей свече двух незнакомцев. Оба бородаты, в лёгких тканых кетонетах до колен, сверху на плечах симлы, лица приветливы, хотя и заметна в них усталость. Когда первый заговорил, вдруг показалось, что в хижине стало светлее. Свеча колыхнулась, стрельнув искрой, и тут же разгорелась заметно ярче и сильнее.

- Мир дому вашему, братие! Да предшествует в начинаниях ваших свет и праведность…

Говорил он тихо, но внятно и #проникновенно, пытливо вглядываясь открытым чистым взором в лица собравшихся. Второй, чуть моложе, явно жилистее и выносливей, так же поприветствовав расположившихся кругом людей, добавил многозначительно:

- Зовите меня Йегудой, а товарища моего Иешуа…

- Да уж наслышаны, – раздался говорок среди братии. – Слух всегда впереди…

- Верно говорят: где двое или трое собраны во имя Господне, там воистину Он среди них…, – мягко улыбнулся тот кого назвали Иешуа.

За занавеской болезненно заворочалась старуха.

- Там у меня мама…, – извиняясь перед новыми гостями, жена Симона поспешила к больной.

- Выведи её на свет. Довольно ей в постели лежать, – гость продолжал улыбаться, но было понятно, что он не шутил.

- Горячка у неё. Неделю как слегла, – серьёзно пояснил

Симон.

Оба гостя переглянулись. Иешуа, откинув чуть занавеску, тронул больную за руку:

- Подай нам женщина, хоть хлеба с водою, ежели есть в доме, чем заморить червячка. С дороги мы и тому рады. Встань! Не так часто у тебя такие гости бывают…

Старуха медленно поднялась и со словами «…прав ты, свет наш, негоже пред тобою больной валяться» вышла из-за занавески к гостям. Присмиревшее в это время собрание разом восторженно выдохнуло.

- Ну, вот и ладно…, – сверкнув взором, гость повернулся к братии. – Слава Господу нашему за милость и память о чаяниях наших…

- Как это ты сделал? – кивнув на тёщу, зачаровано спросил Симон. – Значит верно люди рассказывают, что добро многим творишь, от хвори и бед спасаешь…?

- К уверовавшему в Отца нашего и сила приходит. А добро делать у каждого сила есть, нужно лишь желание и веру приложить…, – назидательно проговорил Иешуа, приготовившись умыться.

Пока гости умывали руки из рук чудом выздоровевшей женщины, все остальные тихо шушукались и поджидали продолжения беседы.

- Добром нынешнюю жизнь не осилишь, – попробовал повернуть разговор в свою сторону Заведей старший.

- Язвительный ты, надо полагать во всём, дед…, – с улыб-

кой откликнулся гость, назвавшийся Йегудой.

- Этого уже не переделаешь, – так же с улыбкой согласился Иешуа и серьёзно добавил: – Никто не может придти ко Мне, если то не дано ему от Отца Моего…

Принимая из рук женщины хлеб и похлёбку, гости не спеша принялись есть.

Пока длилась скромная трапеза, Андрей, на правах знакомства с гостями у самого Крестителя, представил гостям всех собравшихся по именам.

Затем как-то само собой произошло, что заговорил Иешуа:

- С самого своего начала от сотворения у человека было два пути – с миром, тренируя, упражняя и развивая дух свой, и, наоборот, против мира, «покоряя» его, извлекая выгоды, «не ожидая милости». На первом пути человеку всё было дадено – …мысли и возвышайся! Во втором же случае он обречён безжалостно грабить природу на свои неестественные всеразрастающиеся нужды. И так до сих пор. Идущих первым путём мало и потому успехи их сомнительны, но и всё остальное множество на втором пути может похвастаться лишь «успехами» в деле грабительства и разрушения мира. Не для того мы на земле рождаемся, чтобы только пить, есть да работать. Есть выше цель у Отца нашего, о которой не дано знать, но послужить тому есть всегда и место, и время. Отец призывает к возвышенному нас всех, к единой мысли о чистоте и простоте жизни. В них счастье и успокоение…

- На пустой живот не шибко счастлив, и о чистоте помыслов тогда заботы мало. Прост да голоден, что ж хорошего? Пусть уж будет сложно, зато сыто и с куском в руках…, – ворчит из сумеречного угла тот, которого все зовут Фомой.

- Тебе бы всё прежде руками пощупать, неверующий, – заговорил молчавший до того Симон. – Нет, видно, другого пути из нынешнего тупика жизни, куда завели людей корысть и стяжательство. Прав, верно, гость – спасение в отвращении к тому, что признано за благо, за богатство. Не в стяжании благо, наоборот, в противоположном, в отказе…

- Поголодуешь день-другой, не откажешься…, – язвит по-прежнему Заведей.

- Полный отказ – дело совершенных, уверовавших до конца в Отца нашего. Для всех же умеренность и #воздержание – вот верный путь, противоположный стяжательству и излишествам, – заговорил страстно Иешуа. – Царства людей возвышаются на жестокости и насилии, на рабстве и непосильном труде. Все стремления переделать или улучшить что-либо заканчиваются войнами и гибелью. И это, потому что люди стремятся лишь вскарабкаться выше и выше на уже возведенное прежними поколениями здание. Им и в голову не приходит, что строение хило и безжизненно. Это основная ошибка, не позволяющая жить в мире и меж собой и с небесами. Обернуться к началам своим и идти, не признавая богатств и роскоши, устремляя силы свои в приобретение богатств духа, тех нетленных сокровищ, что невидимы,

но вечны. Не стяжать и не обрастать скарбом бесчисленных ненужных вещей, не видеть в стяжательстве блага вообще, учить тому детей и язычников. Это же так просто – отказаться от излишеств…! Воспряньте любовью друг к другу и отриньте от себя ядовитый дух накопительства. Я покажу вам, как жертвовать собой ради этого, как умирать во имя такой любви в жестоком немилосердном мире, и как воскресать вновь для продолжения жизни в любви и братстве. Людям жалко расставаться с нажитым – в том их беда. Они видят лишь в приобретательстве пользу и счастье. Но единственный путь обрести истинное счастье это уйти в мир духа и возвышенной устремлённости к постижению Бога, Отца нашего. Попробуйте однажды постичь Его намерения, Его высшую цель, найдите в себе смирение и желание попросить у него прощения за всё и за всех, и Он простит и допустит на путь свой, и вы останетесь вечно на этом пути служить Его великим целям…

Гость умолк, пристально вглядываясь в глаза притихшей братии.

- Люди называют тебя царём другой жизни и Спасителем…? – прозвучал чей-то робкий вопрос.

- Пусть будет так, если вы не умеете пока видеть мир без царей вообще. Я ваше озаренье, рождённое небом. Отец небесный даёт мне умение и дерзость научить вас новой жизни. Слова, которые говорю я вам, суть сама жизнь. Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут…

Симон, глядя в глаза ему, спросил искренне:

- А почему ты открыто не учишь жить? Таишься? Яви себя миру…

- Была ли тайной весть о моём приходе к вам? – вопросом ответил гость и, услышав одобрительный шумок, продолжил: – Весь дьявольский мир воспротивился и ненавидит меня, потому что я свидетельствую о нём, что дела его злы. Многие и из вас не поймут и не примут меня, но те, кто примет, спасутся. Старики говорят: зерно, брошенное в землю до срока, гибнет. Познай срок, тогда и сей…

- Книжники говорят, что прийти прежде должен Иллия и устроить всё…, – подал голос Фома.

- Так был же он, а вы и не узнали его! И воссевшие на моисеевом седалище не разглядели, да и не хотели видеть в Крестителе Иллию. Так и во мне по неверию никого не увидите…

На мгновение все притихли.

- Да, ты не Предтеча, постигший куда идти, ты уже знаешь, как идти…, – среди всеобщего молчания восторженно проговорил Симон, и чуть погодя добавил:

- И к простому народу, в самое нищее нутро его неспроста обращаешься. Знаешь, что здесь желания к лучшей жизни поболее, чем у толстосумов…

- Блажен ты, Симон! Не сердцем промысел мой видишь, но умом. Кифой отныне быть тебе, камнем первым в основании церкви моей. О человеческом в тебе думки больше,

чем о Божьем. Вот и послужи вере тем, что тебе ближе. А того, кто сердцем прикипит ко мне, ещё не вижу среди вас, – Иешуа обвёл собрание строгим взором, остановившись почему-то на Йегуде. – …Тому ещё не открылась участь его и предназначение умереть за веру, исполнив пророчества отцов наших.

- Не довольно ли, братие, на сегодня, свеча вот-вот догорит? Пора расходиться. Духотищу в хижине развели, как спать будем? Да и вставать завтра рано…, – напомнил о позднем часе Симон.

Тихо перешептываясь, братия быстро разошлась. Двери хижины заперли. Гостям нашлось место тут же на полу, и вскоре все спали. Во дворе воцарилось безмолвие, лишь изредка прерываемое шорохом затихающего к полуночи ветра…

Глава 2

…Ночь уходила медленно и нехотя. К утру сумерки сгустились вовсе, погасив звёзды, окутав мир тёплой тишиной. Затем чуть посветлела высь небес, изрезанная на восходе длинными лентами неподвижно растянутых вдоль горизонта почти чёрных облаков. Затем загорелся бледно-розовый восток, обнаружив прямо над встающим светилом большую зелёную звезду, которая тут же мгновение спустя погасла, как только свет устремился сквозь полосы облаков во все закоулки долины.

Поминая лихом вчерашние припозднившиеся посиделки, стараясь не будить женщин и гостей, Ионины, поспешая, выбрались к озеру. Как всегда, братьев вела надежда добыть хоть немного рыбы. Поприветствовав выбравшихся чуть ранее Заведеев, братья стащили на воду лодку и уж было собрались отплывать, как подошли Иешуа с Иегудой.

— Что ж это вы, братие, гнушаетесь помощью нашей…? – не то, шутя, не то серьёзно укорил братьев Иешуа, легко пройдя в лодку и устраиваясь у борта.

— Да как-то так подумалось, к чему будить вас. Сами управимся, было бы чего ловить. Последнее время удача совсем ушла от нашего берега, – сокрушался Андрей.

— Вот, стало быть, помощь-то как раз и нужна. Сегодня обязательно с уловом будем, – подмигивая своему товарищу,

Иегуда прилаживался к веслу.

— Ваши бы слова да в просьбу Иегове. Ну, коли отважились с нами, давайте попробуем, – за второе весло сел старший Ионин.

Отошли недалеко. На утренней воде ни волны, ни рябинки, лишь мелкая рыбёшка, поджидая солнце, изредка всплёскивала за бортом.

— Бросай сеть, Андрей! Я даже и помогать тебе не буду, а вот вытаскивать вчетвером придётся, сам не управишься, – вновь, то ли в шутку, то ли серьёзно говорил Иешуа.

И действительно при первом же броске в сеть попалось столько много рыбы, что вмиг лодка отяжелела и опасно погрузилась в воду. Такая же удача была и у Заведеев, бросавшим сеть чуть поодаль.

— Довольно, братие! – остановил всех Симон и, обращаясь к Иешуа, добавил: – Такой удачи у нас никогда не бывало. Не переусердствовать бы…. Мне страшно подумать, что этот улов – чудо сотворённое тобой, но это так. Нам нужно скорее идти к берегу, иначе лодки грозят опрокинуться от такого груза…

— Вот и ладно. Ежели уверовать, любое чудо явью станет. Отныне призову вас людей верных искать и к истине приводить, как до сего дня ладьи в море за рыбой водили да семьи кормили, – взор Иешуа глубок, заботлив и устремлён, кажется, одновременно на всех в лодке.

Тут солнце, коснувшись вершин деревьев, оставило на

тёмной глади озера длинные тени, которые скоро убежали по искрящейся в ярких лучах воде серыми призраками вдаль к противоположной стороне. На берегу, как никогда, собралось немало народу, каким-то образом прознавшего про богатый улов. Тут же рыбаков окружили большой толпой, кинулись делить, раздавать рыбу и варить уху. Иегуда громко объявил о чуде и призвал больных и немощных приходить сюда на берег за исцелением.

— Пусть люди сами несут весть, не подгоняй их. Пусть священники первыми узнают о наших делах, – придерживал его Иешуа, кажется более всех довольный случившимся уловом, но скрывающий чувства свои степенностью и безразличием.

— Всё складывается как нельзя хорошо, почему бы не поторопить время? Прихода царствия по правде и справедливости люди ждут от адамова грехопадения, так почему бы не порадоваться свету, воссиявшему с твоим приходом. Ныне подобравшаяся братия вокруг верит тебе и пойдёт с тобой. После Предтечи нет никого кроме тебя, кто может вести их…

— Тебе, я вижу, не терпится угодить на крест или в застенки. Я же мыслю пока учить словом и чудом. Всё должно исполниться своим чередом, как указывали до нас пророки. Не нарушать, но исполнить, не загасить поспешностью свечу Царствия Отца Небесного, но пронести её в мир с честью и достоинством для большей пользы, для всех жаждущих ис-

тины. И когда творишь благо, не труби лишнего и пустого, как это делают в синагогах многие лицемеры…

— Ты же сам говоришь, пусть священники первыми узнают…?

— Наше дело взрастает из церкви, укрепившейся на пророках задолго до нас. Потому ещё раз говорю – не разрушать, но укрепить и возвысить – вот к чему собираем братию с самого низа людского. Не в стяжательстве и роскоши правда и счастье, а в исполнении любви меж собой, в скромности телесной, и в величии духа, способного, довольствуясь малым, как эти люди с самого низу, находить радость и удовлетворение в жизни…

В это время толпа вокруг расступилась, пропуская в середину людей с носилками. Принесли мальчишку паралитика с большими влажными глазами. Иешуа улыбнувшись, взял его за обе руки и спросил:

— Что тебе…?

Заикаясь и преодолевая немощь, мальчик лишь проговорил:

— Ходить хочу, Спаситель…

— Ты хочешь так мало, хотя владеешь большим…! – невольно воскликнул Иешуа. – Загляни в своё сердце, рвущееся в полёт, распрями крылья души, позволь ей летать…

Обратившись к толпе, Иешуа попросил принести любой музыкальный инструмент. Тут же у кого-то нашлась простейшая глиняная флейта.

— Возьми это, юноша, встань и играй…

На глазах изумлённой толпы мальчишка приподнялся неуверенно на непослушных ногах, взял в руки свирель и сыграл незамысловатую мелодию.

— С этого дня ты окрепнешь и станешь веселить людей своей игрой. Пускай песня твоей души возносит хвалу заветам наших предков и славу наших сегодняшних дел, – восторженно наставлял юношу Иешуа.

Присмиревшая братия вокруг внимала происходящему на их глазах чуду рождения таланта, и Спаситель обратился ко всем:

— Заветы, оставленные нам древними воистину верны и праведны. Нам же стоит исправно следовать им строже, улучшая и дополняя наказы сии. Сказано не убивай, ибо судим и наказан будешь, а нам надобно понимать, что никогда не стоит брань и распри меж собой до суда, а тем более до смертоубийства доводить…

— А зуб за зуб…? – раздался из толпы смешок.

— Мирись с соперником и недругом своим ещё до того, как они ввергнут тебя под суд и в темницу и тем самым заставят семью твою бедствовать…

— Иной раз и в семье недруг рядом оказывается, – тот же голос хохотнул. – Яков золотушный, что у самого озера жилище сгоношил, с женой который раз за день бьётся да мирится…

Братия шумно рассмеялись, показывая, что все знают, как

дерётся по-семейному известная бездетная парочка.

Гость же, улыбнувшись, серьёзно проговорил:

— Пророки советуют при разводе с женой миром давать ей разводную. Хорошо. Но лучше вообще жить в мире и согласии до конца с одной, ежели ты выбрал однажды и прилепился к ней, чем давать ей разводом повод для прелюбодеяний и прелюбодействовать самому, поглядывая на разведенных. Вы знаете завет древних – не прелюбодействуй. Этого мало! Для правильной и настоящей жизни научитесь и в мыслях не вожделеть, и сердца свои берегите в чистоте и целомудрии…

— Ты так молод и, должно быть, не женат, но удивляешь речью и уразумением своим о сути вещей…, – одобрительно проговорил из толпы кто-то из стариков.

— Думающему о людях более, чем о себе, верно и дано больше, – согласился с ним Иешуа. – Сколько пророков до нас мудрствовали над судьбой рода человеческого, сколько знаний о том накопили священники и проповедники. Меня же Отец наш небесный вразумил вернуться в познании к началам нашим, к грехопадению прародителя нашего Адама, к истокам гордыни и тщетного возвышения людей из простоты и скромности природы своей к излишествам и непотребствам. И вразумил меня Господь повторить путь Адама, но только без греха и соблазна. Он – сын божий, согрешив, оставил в наследство нам вместо рая и бессмертия старость и погибель неотвратимую. Непослушание Адама – грех на

всех потомках. Освободиться от такого греха можно только явлением нового праведного сына, который бы вернулся к Богу чистым и совершенным, искупив тем самым грехи всех нас. Итак, путь мой к Отцу, где у человека ко всему была сила, ко всему умение и навык, где он птицей вольной шутя одолевал пространства великие, где шагал по воде, как посуху, где не гнал его голод за добычей, как алчного зверя ненасытного. Отец призвал меня с самого низу идти кратким путём обратно к нему, не допустив на путь стяжательства и возвышения в начальники, откуда непосилен и неосуществим возврат к Богу. Божья правда не в богатстве и власти сильных мира сего; слишком долгим и кривым будет от них путь к Господу. Не к обладанию сокровищами на земле зову вас, ибо соблазняют они, путами по рукам и ногам вяжут и отбирают силы. Мои же стези прямы и кратки, потому пройду их скоро и просто. Моя жизнь – выкуп за грехи, жертва во имя искупления их, моё послушание – праведность для всех…

Говорил он просто, не напрягаясь и не восклицая, но была в его голосе власть над слушателями и восторг, проникающий в сердца.

…Весь день управлялись с богатым уловом, а к вечеру вновь собрались ко двору Иониных. Заговорили о трудности исполнять заветы, что заповедал Господь Моисею.

— Соблюдать все правила жертвоприношений нет средств, – говорил, сокрушаясь, Иаков Алфеев, обращаясь, прежде всего к Спасителю. – Отказаться от них помогает са-

ма судьба – неурожай, обездоленность. Под гнётом имперских налогов и безудержным барством местных правителей народ нищенствует и стонет. Законы Моисея совсем не препятствуют разгулу царей. Нужно думать, как выживать, нужен свой закон и новый бог…. Одно смущает: завещанное Отцом небесным царствие по правде и справедливости мыслится только тогда, когда всех без исключения людей коснутся муки и страдания. Но, чтобы такое случилось нужно обособить всех от всех, чтобы обессилел и страдал каждый, чтобы беззакония касались всех, чтобы понятно стало всем благо и необходимость Его Царствия…

— Я много думал над этим, – почему-то глядя Иегуде в глаза, отвечал Якову Иешуа. – На землю грядут беды и трагедии, глады, моры и землетрясения, мерзость запустения, великая скорбь придет к людям. Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Лишь те, кто в память о пребывании Адама в раю вспомнят, каков был человек в начале, и научатся вновь жить законами Царствия Небесного, и спасутся, и пребудут вечно. Тут я прихожу к тому, что за всех, как когда-то в одиночку согрешил Адам, сейчас так же должен отстрадать один, и прекратить кровь жертвенную всякую и навсегда. Отец наш великодушно предоставляет нам свои дары, требуя взамен лишь благоразумия, а не части даров, что несём ему бессмысленно. Всё в Его воле. И не будь её, разве смог бы человек брать и потреблять безнаказанно многое

из Его владений? Умеренность и благоразумие – вот лишь чего требует Отец. Жертва в нас самих, в наших правильных поступках. Собой жертвуйте, учитесь тому, и учите других. Если праведность ваша превзойдёт праведность книжников, люди пойдут за вами через страдания и простоту назад к Адаму, к Богу, где их ждёт прощение Его, просветление душ и вечная жизнь. Если этого нет впереди, люди поворачивают к сложному, к дьяволу, к неравенству, как Адам от Бога. Им нужно показать этот путь через казнь и воскресение. Рождение всего нового и чистого во всём и всегда происходит на смерти старого и отжившего…

— К чему усложнять дело и доводить до казни? Не достаточно ли того, что люди и без того верят и идут за тобой, – Иегуда был не на шутку озабочен разговором.

— Да сбудутся писания пророков! В подтверждение дел наших и веры путь избранный должен быть пройден до конца. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие. Если хотите остаться на этом пути, уверуйте в неотвратимость пророчеств, пройдите со мной намеченное и укрепите храм веры, церковь навсегда…

Спаситель помолчал, теребя задумчиво на щеке завиток бороды, и добавил твёрдо:

— Я не знаю пути Отца моего, но знаю, что меня он поставил знать мои пути, вложил мне знания Царства вечного нетленного для всех нас, открыл простоту и ясность мира любви и добра меж людей. Нам надлежит идти к людям и

проповедовать о возможности спасения, об искуплении грехов. Нужно идти в города, в храмы…

— А кормиться чем…? – подал голос Фома.

— В воздержании да скромности Бог всегда в помощь. Неужели мы с Иудой в тягость для общего стола…? – с лёгкой усмешкой в свою очередь спросил Иешуа.

— На алтарь больше жертвуем, чего уж там…, – добродушно проворчал Фома.

— Миром, ладом да общиной проживём. К доброму слову у каждого и руки есть, ремесло. Учитесь у волхвов целительству, чтению заговоров, толкованию снов, терпению любых пыток, научитесь противостоять самой смерти, но более примите и умом и сердцем важность единоверия, познайте силу духовного общения и единения, что превыше всего для совершенства нашего, что одно спасёт вас и возвысит над смертью. Веруйте и учитесь исцелять больных и немощных. Трудитесь в этом и удостоитесь пропитания…

— А почему спасать нужно обязательно в столице…? Не лучше ли было бы продолжать проповеди людям простым и честным, живущим простым трудом, людям с чистыми душами и искренними помыслами, как на юге люди пещер в Иудейской пустыне…?

— Я многому научился в своё время у них. Люди пещер действительно правдивы и смиренны в ожидании Царства Небесного, но поистине праведен тот, кто примером ведёт за собою других, кто помогает брату своему прозреть. Бла-

гая весть о Царствии Небесном должна в мир пойти, числом вырасти, в сердца многих и многих грешников проникнуть. Чистый да праведный сам идёт, грешному показать надо. Толпы народа изнурены и рассеяны, как овцы без пастыря. Жатвы много, а делателей мало. В столице греха много, но и веры там больше, чем среди самаритян и язычников. В храмах началу послужить да потрудиться надобно…

Глава 3

…Сборы братии были недолгими. Народу собралось человек до пятидесяти. Кое-кто из старших подвизались идти в Тивериаду с прошением к Ироду о помиловании юношей, попавших в немилость царю за прошлогоднее участие в нападении на мытарей, были и просто любители безделья, что всегда живут попрошайничеством. Рядом с Иегудой нет-нет вертелись несколько человек обличием и повадками похожие более на разбойников, нежели на соискателей Царствия Небесного, но от них всегда была польза при защите от недруга или от злонамеренного человека. Они были отчаянны и дерзки в обращении к любому неприятелю. Иешуа же с братьями Ионинными и Заведевыми собрались в путь с великой целью нести в люди благую весть о Царствии Небесном, учить жизни простой и праведной здесь на земле, чтобы быть достойными того Царствия после…

Много ли нужно человеку, проповедующему скромность и воздержания – на плечи хитон грубой шерсти, да под ним любящее сердце в груди, а главное ко всему этому голова с чистой благою мыслью о счастье для всех людей на земле. На последнем собрании коллегии после подсчёта средств, скопленных на общественные нужды, кто-то многозначительно попросил большую часть средств выделить для погребения покойников. Хоронить с почестями умерших действительно

было накладным делом. И, наверное, вопрос сей был действительно важен, поскольку собрание при этом зашумело, и нашлось немало желающих высказать на сей счёт своё мнение. Напрасно Пётр пытался утихомирить крикунов, пока не повернулся, наконец, к молчавшему в это время Спасителю.

— Учитель, ты думаешь, как нам стоит хоронить скромно и равно всех сообща или воздавая каждый своим сам? Ты же видишь, как это оказывается важно для всех…?

— Так, как вы это делали до сего дня, – просто, словно думая совсем о другом, проговорил Иешуа.

— Но теперь у нас товарищество, теперь у нас есть коечто на общее дело, так пусть это будет первым благим общим делом. Почему бы не показать, что сообща мы сильны? – кто-то упорствовал в своём мнении.

И тут Спаситель неожиданно встал, в глазах его холодно мелькнуло недовольство. Он заговорил громко и проникновенно:

— Оставьте это! И делайте так, как это делали до вас, как это было до сих пор. Не изощряйтесь в показном величии. То, что собрали ныне товариществом, употребите в дело торжества Царствия Небесного, в дело проповеди его, в жизнеутверждение его. Мертвецов же погребать оставьте смертным. Наше дело проповедовать жизнь во имя Отца нашего, благовествовать Царствие Божие…

На том и решили, что хоронить покойников надо по обычаю в скромности, помогая друг другу.

…В путь отправлялись небольшими группами по два-три человека, намечая на будущее места встреч в определённом месте. Шли к людям на собрания коллегий в сёла, в малые города, на проповеди в синагогах и храмах.

…Иегуда с Иешуа в Капернаум входили лесной дорогой, спускающейся с холма в зелёный дол. Ещё сверху в мягком и тёплом воздухе среди верхушек деревьев приметно замелькали крыши домов, а совсем внизу, окрашивая в цвет воды и берега, серебром поблёскивало озеро.

Вскоре, оказавшись среди каменных построек, со стороны проулка услышали крики. В конце улочки за глухой стеной какого-то строения оголтелая ватага забрасывала камнями женщину. Иешуа остановился.

— Пойдём скорее, нас ждут, – Иегуда твердо взял Спасителя за локоть.

— Там бьют женщину…

— Ну и что…? Должно быть за дело бьют…

— Они убьют её! – возмущённо повторил Иешуа и, освободив руку, решительно повернул к толпе.

Через минуту его развевающиеся волосы замелькали над головами. Высокий и ловкий он, быстро преодолев толпу, уклоняясь от камней, повернулся к озлобленным людям и поднял руку:

— Люди! Узнаёте ли вы меня?..

Из толпы кто-то крикнул:

— Это новый учитель из синагоги. Калек и одержимых лечит, я видел…

Люди перестали кидать камни. В наступившей тишине Иешуа, выделяя каждое слово, спросил:

— В чём вы обвиняете эту несчастную женщину?

— Она замечена в прелюбодеянии и по закону должна быть побита…, – визгливо отозвался из толпы старик в грязной одежде священника.

Иешуа наклонился и поперёк пыльной дороги позади себя пальцем провёл черту.

— Я отделил от нас её провинности. Теперь кто среди вас безгрешен, брось первым в неё камень…!

Толпа на мгновение онемела, затем безмолвно стала быстро редеть, и вскоре улочка опустела вовсе. Остался лишь Иегуда, исподтишка со стороны наблюдавший за происходящим, у черты Иешуа – прямой с открытым строгим взором, и за его спиной в пыли, прикрываясь разорванным платьем, женщина.

— И надо было тебе вмешиваться, а если бы они тебя не послушались…? – ворчал, подходя Иуда. – Поколотили бы и нас изрядно с этой… девкой.

Женщина, поднявшись, сделала шаг от стены, и, открыв избитое, но красивое лицо, робко подняла глаза на Спасителя. Сквозь слёзы в них проступала мольба и благодарность, ещё миг и она упадёт целовать Спасителю ноги. Но, чуть вскинув руку, Иешуа опередил её:

— Благодари Отца Небесного, я же лишь не осуждаю тебя. Живи и впредь не греши…

Он повернулся и, увлекая за собой Иегуду, вскоре скрылся, свернув за угол дома в конце улочки. Задержавшись на миг у черты и, обходя её осторожно, поспешила убраться с места своей казни и грешница.

…В городе к проповедникам вскоре примкнула группа женщин, решительно настроенных нести благую весть о Царствии Небесном наравне с мужчинами. На одном из собраний, когда народ толпился во дворе, и в хижину было не пробиться, Иешуа, оглядывая сквозь открытые двери собравшихся, невольно встретился с взглядом матери. Мария стояла зажатая со всех сторон за дверью, держась побелевшими от напряжения пальцами за косяк. Выбившиеся из-под платка волосы, словно глубокий синий шрам пересекали лицо прядью, издалека при свете свечей клином врезающейся в щеку. Глаза её полные слёз умиления пред долгожданной встречей с сыном смотрели открыто и приветливо, но мятущийся в их глубине страх и боль за него делали лицо скорбным и некрасивым…

После проповеди она дождалась его во дворе. Он вышел, обнял мать за плечи, склонив голову к её лбу.

— Ты оставила дом и ходишь с паломниками…?

— Такова воля Отца. Моё сердце всегда с Ним, Ему я отдала Тебя…, – она заглядывала ему в глаза и с любовью ка-

салась рукой его бороды.

— Прости, среди родственников я теряюсь и невольно слабею, тогда, как братия множит мои силы. Они мои отец и мать, и братья, и сёстры, ныне и навсегда…

— Я не помешаю тебе, позволь только издали видеть тебя, идти за тобой. Смешавшись с поклонниками, я буду всегда с тобой…

Люди расходились, тихо переговариваясь и желая на прощание друг другу счастья. Вот мелькнуло красивое лицо. Иешуа поймал жгучий ищущий встречи взгляд. Невольно задержался, узнавая грешницу из проулка, перевёл взгляд на Иегуду, оказавшегося почему-то рядом с этими горящими глазами. Улыбающийся и что-то говорящий Иегуда, повернулся к нему, глянул серьёзно и вновь что-то заговорил женщине, близко склоняясь к ней.

— Да, да…, прости, поступай, как велит тебе сердце. Тебе будут помогать эти люди, чтобы со мной не случилось, – отвечал он матери, склонившись и целуя её руки.

Подошли Пётр с Андреем и отвлекли Спасителя разговором о том, что договорились о проповедях в городском доме собраний.

…В маленькой синагоге, надеясь на поддержку власти и состоятельных людей, священники собирали на храм по две драхмы. На оной из проповедей к Петру подошёл один из сборщиков, упрекнул:

— Вы так много говорите о святости храма, надо бы делом помочь…

Пётр смутился, но, не подавая виду, пообещал вложить на благое дело, как только подзаработает немного денег. Иешуа слышал всё и после того, как священник отошёл, спросил у Петра:

— Цари земные с кого берут подати и пошлины – с сынов своих или с посторонних?

Петр, не раздумывая, ответил недоуменно:

— С посторонних, учитель…

Иешуа, улыбаясь, размышлял вслух:

— Итак, сыны свободны…! Значит, на храм свой и Царь Небесный с сыновей своих сборов не брал бы…

Потом глядя на всё ещё недоумевающего Петра, добавил благодушно:

— Но, знаешь, чтобы не соблазнять сборщиков отказом, нам стоит чудесным образом рассчитаться с ними.

— Где деньги брать…? – сокрушался Пётр.

— Утро вечера мудренее, завтра на рыбной ловле, даст Бог, и на деньги повезёт…, – успокоил его Иешуа.

— Не верится что-то…, – сомневался случившийся при разговоре Фома.

На следующий день к завтраку ловили рыбу. Поймали несколько рыбёшек, во рту у одной вдруг что-то блеснуло.

— Гляди-ка, статир! Это же целых четыре драхмы…! – воскликнул восторженно Пётр.

— Ну, вот, и на сборы хватит. А ты унывал. Отдай сборщикам, там и на меня хватит…, – добродушн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.